

Наша русская литература столь богата, что порой позволяет забывать некоторые имена. К числу таких ныне малоизвестных писателей принадлежит Александр Ардалионович Шишков, именуемый иногда Шишков 2-й или Шишков-младший. Будучи племянником Александра Семёновича Шишкова — Государственного секретаря, Министра народного просвещения, Президента Российской Академии — и воспитывавшийся им с детских лет, он в своих литературных пристрастиях и вкусах ушёл из-под влияния своего дяди и примкнул к молодым противникам «Беседы любителей русского слова». Имя А. А. Шишкова, чей жизненный и литературный путь был недолог, сохранено в истории нашей культуры не столько стараниями его именитого родственника, сколько поддержкой его ровесника — Александра Сергеевича Пушкина, с коим, будучи молодым офицером, подружился в Царском Селе в 1816–1817 гг., где в то время квартировал Кексгольмский лейб-гвардии полк, возвратившийся из заграничного похода русских войск, к которому был приписан в чине поручика семнадцатилетний офицер Шишков.

В 1826 году Пушкин включает в свой сборник адресованное Шишкову послание «Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...», написанное в год знакомства, и тем самым вводит имя поэта в свой литературно-биографический контекст. Юношеское послание Пушкина проливает свет на ранние не дошедшие до читателей стихи. Он воспринимал своего сверстника как поэта арзамасской ориентации:

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь в владения свои
В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой,
Где нежился Тибулл, Мелецкий и Парни?
Тебе, балованный питомец Аполлона,
С их лирой соглашать игривую свирель:
Веселье резвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.

В сохранившемся письме (осень 1823 года) Пушкин именует Шишкова «царско-сельским товарищем», «золотым талантом» и сожалеет, что не столкнулся с ним на Кавказе, куда Шишков был переведён из Литовского уланского полка за какой-то проступок. Позднее, в 1831 году Шишков знакомил Пушкина со своими переводами западных драматургов. Возможно, эпистолярные контакты Пушкина и Шишкова были более частыми. Они позволили вдове Александра Ардалионовича Екатерине Шишковой обратиться после трагической смерти супруга к А. С. Пушкину с благодарностью

за положительное решение Академии Российской от 3 июня 1833 года об издании в академической типографии сочинений и переводов покойного Шишкова тиражом 1200 экземпляров. Президент Академии адмирал А. С. Шишков, как родственник покойного писателя, не решался сам внести это предложение. Пушкин, незадолго до этого избранный членом Российской Академии, горячо взялся за дело и довёл его до конца... Издание было осуществлено за счёт Академии в 1834–1835 годах в 4-х частях и включало в себя лирическую поэзию, трагедию «Лжедмитрий», роман «Кетевана, или Грузия в 1812 году», а также переводы.

Начало жизненного пути А. А. Шишкова было типичным для молодого дворянина офицера того времени. В июле 1817 Шишков переведён штаб-ротмистром в Литовский полк, а в марте 1818-го штабс-капитаном в Кабардинский пехотный полк на Кавказ. Пребывание на Кавказе обогатило его жизненными наблюдениями и дало материал для поэтического творчества. Молодой офицер отличался пылкостью характера, независимостью поведения, свободным образом мыслей, что послужило дальнейшему переводу его в конце 1821 года в чине капитана на Украину, в Одесский пехотный полк, где он пробыл до 1827 года. Встречи с декабристами Южного общества, вероятно, укрепили его в вольномыслии. В 1826–27 годах он дважды подвергался аресту по подозрению в принадлежности к Южному обществу и за стихи «преступного содержания». В 1827 году Шишков был переведен под строгий надзор в Динабург, где должен был продолжить службу в новом полку. Здесь с долей риска он общался с заключенным в крепость Кюхельбекером и сумел наладить литературные связи с кругом «Московского вестника», «Северных цветов» и позднее «Литературной газеты». В 1829 году за конфликт с начальством Шишков был предан суду и уволен с военной службы. С начала 1830 года он жил в Твери под надзором, пребывание в столицах ему было запрещено. Жизнь А. А. Шишкова трагически оборвалась в 1832 году. Он был убит в результате ссоры с поручиком А. П. Черновым, который нанёс оскорбление его жене.

Творчество А. А. Шишкова в жанровом плане универсально: лирические стихи, поэмы, драма, роман, эпистолярная проза, переводы европейских драматургов и прозаиков. Будучи на военной службе, Шишков не оставлял литературной деятельности. Короткий творческий путь не дал возможности реализоваться его творческой индивидуальности в полной мере. Иные произведения не завершены, другие представлены в отрывках и набросках, тем не менее, все они находятся в русле романтических исканий пушкинской эпохи. Заметное воздействие Пушкина обнаруживается лишь в поэмах Шишкова и в трагедии «Лжедмитрий» (по выходу «Бориса Годунова»). Лирическая поэзия и проза Шишкова, несомненно, оригинальны и демонстрируют его индивидуальную художественную манеру.

Самым репрезентативным жанром лирики А. А. Шишкова явилось литературное послание. В круг его дружеского и литературного общения входили С. Т. и Н. Т. Аксаковы, а также А. Я. Рудзевич и П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, И. Д. Козловский, Е. П. Зайцевский и Щербинский.

Особое место в судьбе Шишкова занял Александр Гаврилович Ротчев, поэт, журналист, переводчик. Литературную известность Ротчев приобрёл ещё будучи студентом Московского университета, куда он поступил в середине 1820-х годов, в годы студенчества был связан с оппозиционными объединениями — общественно-литературным кружком профессора Раича, кружком братьев Критских, сблизился с А. И. Полежаевым и подозревался в сочинении вместе с ним крамольных антиправительственных стихов. В 1827 году Ротчев попадает под надзор полиции за стихотворение, адресованное А. А. Шишкову, как отклик на события 14 декабря 1825 года:

Твердыню дуба разломил
Атлет бесстрашный — дива света,
Но дуб обломки съединил
И приковал навек атлета.
Знай, гласу вольности святой
Смешно твое ожесточенье
И ты, низвергнутый судьбой,
Сравнишься с демоном в паденье.

Ротчев с Шишковым состояли в переписке. Эпистолярный диалог поэтов включал и обмен поэтическими посланиями, которые не предназначались для печати. Нелучайно Шишков просил друга уничтожить его письма. Но понравившееся Ротчеву ответное послание Шишкова не было уничтожено и передано им на сохранение Елене Гагариной, будущей своей супруге, о чём он уведомил Шишкова в письме от 15 августа 1827 года. Поэтому оно и фигурировало в деле арестованного в сентябре того же года капитана Шишкова. В послании к Ротчеву возвратившийся с Кавказа и Одессы поэт предстаёт гражданским лириком, впитавшим стиль романтической декабристской поэзии с осознанием высокой миссии поэта:

Велико, друг, поэта назначение,
Ему готов в бессмертии венец,
Когда живое вдохновенье
Отчизне посвятит певец...

Обращаясь к другу-поэту, Шишков призывает его не лелеять слух современников анакреонтическими стихами, а возбуждать читателей идеалами свободы трубою Тиртея, древнего певца республиканцев.

Души возвышенной порывы
Сильнее власти роковой.
Высоких дум хранитель молчаливый
Он не поет пред мертвою толпой,
Но избранным приятна песнь Бояна,
Она живит любовь к стране родной,
И с ней выходит из тумана
Заря свободы золотой,
Боготворимой, величавой...

Разумеется, это послание не могло быть включено опальным автором в сборник «Опыты Александра Шишкова 2-го 1828 года». Не попало оно и в посмертное издание «Сочинения и переводы капитана А. А. Шишкова» (Т. 1, 1834 г.), подготовленное вдовой поэта и изданное при участии А. С. Пушкина. Дружеское послание — один из репрезентативных жанров лирической поэзии пушкинской эпохи. Романтическая поэзия освобождалась от рационалистического мироосмысления и говорила о внутреннем мире человека, становилась коммуникативной и диалогичной, а личность адресата, как правило, служила для раскрытия внутреннего мира самого поэта.

Среди адресатов Шишкова были друг юности Николай Аксаков, будущий офицер лейб-гвардии Измайловского полка, и Федор Глинка, так же офицер лейб-гвардии Измайловского полка, участник декабристского «Союза спасения», с которым Шишков

близко общался в 1816–1818-х годах. Судьба сведёт Шишкова и Глинку еще раз в 1830–1832 годы в Твери, где опальные поэты, отстранённые от военной службы, окажутся вместе.

Поэтические послания периода пребывания Шишкова на Кавказе и на Украине полны воспоминаний о милых друзьях, товарищах, наполнены желанием сохранения дружбы в разлуке. В послании «Н.Т.А.» (Аксакову), наполненном впечатлениями о Грузии, о чарующем Востоке, о прекрасных пери в образах юных дев, о прелестях природы Закавказья, автор передаёт тоску по родине и по другу-собрату:

Но где ж отчизны край родной?
Где хата дымная под снегом?
Когда ж помчусь я быстрым бегом
К твоей груди, товарищ мой,
И, дружную сжимая руку,
Когда ж я позабуду скуку
С тобой под чашей круговой?

Если это послание имеет интимно-дружеский оттенок, то другое, адресованное поручику Щербинскому, адъютанту 2-й бригады Бугской уланской дивизии, демонстрирует идейную солидарность с человеком, разделявшим декабристские взгляды и привлекавшимся к следствию в 1826 году:

Дай руку мне, товарищ мой!
Пойдем, пойдем навстречу рока!
Поставим твердою душой
Против завистника порока
Дела, блестящие собой.
И верь мне, зависть оробеет
Пред добродетелью прямой,
Как ночь осенняя бледнеет
Перед румяною зарёй.

Шишков часто встречался с Щербинским в Херсоне, а потом состоял с ним в переписке. Их общение было одухотворено патриотической мечтой, которую они вынашивали. Романтические слова-сигналы «рок», «твердая душа», «прямая добродетель», «порок», «товарищ», «завистник» были характерны для стиля поэтов гражданского романтизма и вызывали у современников круг социальных, гражданственных и этических ассоциаций.

Героика гражданского мужества звучит и в послании А.Я Рудзевичу, российскому командиру эпохи наполеоновских войн, генералу от инфантерии, служившему позднее в Дагестане и оставившему о себе славу непримиримого устрашителя врагов России. Дружеские отношения Шишкова с боевым генералом сложились в 1825 году, когда поэт был переведён в Одессу в должности адъютанта А. Я. Рудзевича, возглавившего 7-й Пехотный корпус.

Однако тональность поздних посланий Шишкова периода его проживания в Твери после увольнения в отставку и запрещения жить в обеих столицах меняется. В них явно ощущается мотив изгнанничества и личной трагедии. Адресаты этих посланий: морской офицер и поэт Ефим Петрович Зайцевский, приятель Шишкова по Одессе; князь Иван Дмитриевич Козловский, воспитанник Московского кадетского корпуса,

поэт-любитель, находившийся в родственных отношениях с А. С. Пушкиным и сблизившийся с Шишковым в Твери; Фёдор Николаевич Глинка, пожалуй, самый близкий Шишкову поэт в 1830–1832 годы. Эти стихи-послания строятся на аллегоризме. К примеру, в послании Зайцевскому Волга (тверское пристанище поэта) воспринимается в качестве тюремного стража, в то время как экзотический благоухающий Крым остаётся символом свободы. Мятающаяся душа поэта в послании Козловскому подвержена демоническому воздействию. Герой пытается избежать искушений, раздвоенности сознания, ослепления ложными ценностями, ибо они ведут к разладу с миром, к одиночеству и утрате духовного стержня. Послание обретает черты молитвы, обращенной к богу, с просьбой оградить его своей святой силой «От ухищрённой клеветы, / От ядовитого навета, / От обольщений красоты...».

В посланиях «К Ф.Н.Г (Глинке) и „К Х... у» (точный адресат не установлен) Шишков обращается к теме предназначения поэта, как носителя возвышенных чувств и пророческих видений. Эти послания включены в метафорический контекст. Поэзия — спасительный оазис для людей мыслящих, свободных, путеводная нить, родник и спасительная тень для бредущего в Мекку по раскалённой Аравийской пустыне поклонника Магомета — в первом послании. И образ греческого философа Сократа, осуждённого на смерть за инакомыслие, поведение которого перед смертью приводится как образец философского спокойствия и мужественного противостояния ударам судьбы — во втором:

Так, друг мой, так, бессмертен тот,
Кто Богом обречен для славы,
Чей дух, как явор величавый,
Несокрушим от непогод.
Его удел, в разврате века,
Гоненье, ненависть, укор;
Но верь мне, вечно светел взор
С душой бесстрашной человека!

В образе поэта-пророка различимы романтические черты: «он жнец на ниве просвещения», душа его облачена «бронёй холодного терпенья». Высокий мир поэта недостижим для презренной толпы и ослепительной черни: он «богат среди нищеты влеченьем к истине высокой».

К теме «поэта и толпы» Шишков вернётся в 1831 году в вольном переложении «Пролога в театре» из «Фауста» Гёте, построенного на диалоге трёх персонажей — директора театра, актёра и поэта — имеющих, казалось бы, непосредственное отношение к искусству. Здесь поэт противостоит «презренным расчётам» дельцов от искусства, готовых угождать толпе ради материальной выгоды. Роль «слуги-наёмника» не для того, кому дарован дар общения с «бессмертными богами», кто создаёт творения по вдохновению, а не по заказу. Лишь свободное творчество позволяет поэту постигать гармонию мира и вести читателя к поиску высокой истины.

Шишков отходит от оригинала. Перелагаемый им текст явно романтизирован и представлен в виде деклараций автора-переводчика, рисующих возвышенный образ певца в романтически-клишированных словесных формулах. Иначе, вероятно, было невозможно в условиях николаевского времени 1830-х годов:

Не вспоминай мне о толпе презренной,
Она восторг души моей мертвит;

Сокрой меня от черни ослепленной,
Она певцу насильно петь велит.
Но поведи к обители священной,
Где луч бессмертья для певца горит,
Туда, где дружба и любовь святая,
Душе его готовит негу рая.

Адресаты сохранившихся посланий Александра Ардалионовича Шишкова — прежде всего круг его литературного общения, а потом и служебного. Есть у него послание к абстрактному адресату — «Другу-утешителю». Напечатанное впервые в «Новостях литературы» в апреле 1826 года, оно более напоминает романтическую элегию и передает состояние опустошенности и бессмысленности жизни лирического героя. Есть и послания-аллюзии «К Метеллию», «К Эмилию». Обращенные тематически к античности, они как бы обобщали исторический опыт и выражали общую романтическую идею о поучительности истории Древнего Рима. Многие поэты гражданского романтизма 1820–1830-х годов обращались к аллюзии для осмысления современных общественно-политических проблем. Республиканский и Императорский Рим, восстания рабов, падения тиранов, деградация высших сословий — в этих сюжетах и в «античном стиле» произведений ярко выражались гражданские идеи поэтов того времени. Обращенные к первому диктатору Рима (Эмилий) и римскому полководцу и проконсулу эпохи Юлия Цезаря (Метеллий), послания содержат мотивы, проецирующиеся на современность. Древний Рим отнюдь не идеален, о чём свидетельствовали вражда в верхах, кровавые измены патрициев, законы, не защищающие правоту, присвоение результатов рабского труда. Введение же легендарных имен (Муций), пробуждало интерес к республиканским идеалам. События гражданской борьбы в Древнем Риме, мотивы тираноборства, прославление героев, отдающих жизнь за республику в борьбе с диктаторами — характерные темы многих поэтов гражданского романтизма. Голос А. А. Шишкова в 1824(!) году звучал в унисон с К. Ф. Рылевым («Гражданин»), В. К. Кюхельбекером («Аргиевие»), Ф. Н. Глинкой («Отрывок из „Фарсалии“»):

О, скоро ль гром небес, сей мститель справедливый,
Злодейства сильного раздастся над главой,
Исчезнет власть твоя, диктатор горделивый,
И в Риме процветет свобода и покой?
Метеллий, доживу ль минуты той счастливой?
Иль кончу скорбный век среди Римлян-рабов?
Нет, нет! Настанет день — свободный от оков,
Как аравийский конь, при звуках близкой брани,
Воспрянет Римлянин, мечём в кровавой длани
Омоет свой позор и стыд своих отцов!

Оба послания имели подзаголовок «отрывок», что соответствовало эстетике романтизма. «Отрывок», обладающий как бы сюжетно-композиционной незавершенностью, будил своей открытостью читательское воображение, давал возможность для ассоциаций и додумывания основных мотивов, создавал романтическую атмосферу недосказанности, намёков, тайны. В античном сюжете поэт говорит как будто со своим современником.

К античному миру он обратится ещё раз в балладе «Агриппина», где римская история (I век н.э.) предстанет в трагедийности борьбы за власть, в политических интригах и преступлениях. Баллада описывает восхождение к власти императора Нерона

с помощью интриг его матери Агриппины, которая устраняет законного наследника Британика, своего пасынка и сына императора Клавдия. В свою очередь, Нерон, опасаясь всевластия матери, предпринимает попытку убить свою мать, устроив крушение корабля, на котором плыла она. История эта опутана романтическими легендами: задолго до того, как Нерон стал императором, Агриппине нагадали, что сын её будет царствовать, но при этом умертвит свою мать. Ответ был таков: пусть умерщвляет, лишь бы царствовал. Романтическая обработка сюжета полна смысла.

Другая, помимо античной, стилиевая манера поэта А. А. Шишкова — оссианическая как, впрочем, и у многих русских романтиков. «Эльфа», «Отрывок из песни Вайделота», «Бард на поле битвы» несут печать оссианизма.

«Песни Оссиана» шотландского литератора Дж.Макферсона стали известны русским писателям значительно раньше, чем открытое Мусиным-Пушкиным «Слово о полку Игореве». Они воспринимались как образец древней северной поэзии и поэтому не могли не повлиять на стилистику произведений, обращавшихся в сюжетах к отечественной старине. Восхищали герои поэм, люди свободные с присущими им благородством, героизмом, природной чувствительностью. Сумрачный меланхолический колорит, сверхъестественные эффекты, соединение чудесного и вероятного, тени умерших предков, мифологический пласт, героика подвига во имя родины, стремление к добру и справедливости — всё было рассчитано на восторженную реакцию со стороны читателя, подготовленного к восприятию древних преданий. Оссианический стиль включал в себя северную топику, северного героя, варягорусское языческое богопочитание, образ певца-барда.

Историческая элегия Шишкова «Бард на поле битвы», написанная в 1828 году, воспринималась как тризна по погибшим героям и, конечно же, соотносилась читателями с ближайшей к поэту историей (1825 г.). Мрачный оссианический колорит, сумрачный свет, дрожащая на струнах арфы рука певца, его тихий глас и неодолимая тоска, лежащая на душе среди тлеющих останков героев — создают зримый трагический и психологически глубокий лирический сюжет.

Он пережил сынов своей отчины,
И суждено певцу веселых дней
Свершить обряд печальной тризны
На трупах тлеющих друзей.
И он поёт им песнь прощанья,
И тихий глас его уныл,
Как в полночь ветра завыванья
Среди чернеющих могил.

Взволнованно-лирический тон повествования, почти осязаемая физическая и душевная боль пронизывает прямую речь Барда:

Погибли вы, дружины славы,
Питомцы грозные побед!
Исчез ваш подвиг величавый,
Как лёгкий сокола полет,
Как в воздухе орлиный след.

Гибель героев, казалось бы, трагедия для павших, но не для самого певца. Для него они не мертвы, они живы в деяниях своих, он завидует им и призывает к битве новой:

Он вам завидовал, вам, падшие на брани!
Вам, мстители за край своих отцов!
За иго рабское, за дани
Благодаянья пришлецов.

И взор его воспламененный
По холмам дальним пробежал;
Он струнам арфы вдохновенной
Восторг душевный передал.

Если ранний А. А. Шишков, судя по пушкинскому посланию 1816 года, «Шалун, увенчанный Эратой и Венерой», «балованный питомец Аполлона», воспевающий «веселье резвое», «парнасские забавы», блаженство любви и торжество страсти в духе Анакреона и Парни, то в 1830-е годы — это вполне зрелый поэт, на относительно небольшом по объёму сохранившемся наследии которого видна печать эпохи.

К этому времени послания и баллады уступают место лирико-психологическим монологам: «Другу-утешителю», «Глас страдальца», «Незванный гость», «Жизнь», «Три слова, или Путь жизни», «Родина». Мечты о гражданском деянии, высокие цели, декларируемые в ранних дружеских посланиях («заря свободы золотой», «высокие думы», «души возвышенной порывы») заменяются скептическим взглядом на жизнь, горькой иронией, тягостным бездействием.

Дважды преследуемый следственными делами по декабристским обществам, дважды подвергавшийся высылке под надзор в Динабург и Тверь, отстранённый от столичной литературной и общественной жизни, Александр Шишков осознает, что жизнь его протекает без цели, что он чужд миру и мир чужд ему:

Прекрасен мир твой, Боже сильный!
Но для меня печальный мир!
Взгляни, я беден, наг и сир,
Взгляни, я остов домогильный;
Мне слёзы пища с юных лет,
Мне на земле приюта нет!
(«Глас страдальца»)

Он не перепевает других романтиков. В его монологах нет клише. Его «роковая судьба» — не дань стилизации, это понятие воплощает реальные жизненные обстоятельства. Лишённые событийной стороны, стихи поэта автобиографичны, ибо в них отражён личностный духовный опыт:

Исчезну я, как призрак сна,
Как искра яркая на снеге,
Как в шуме бранном тишина,
Как одинокая волна
Забыта бурей на берегу.
(«Другу-утешителю»)

Лирический герой Шишкова в чем-то предвосхищает лермонтовское мироощущение с раздвоенностью сознания («Мой демон»), с трагической обречённостью («Родина»), с мотивами одиночества, бесприютности («Незванный гость»):

Незванный гость на пире света,
Я встретил жизни у дверей
Холодность гордого привета
Меня чуждавшихся людей.

Находим у Шишкова и лермонтовские «сумерки души» («1831, июня 11 дня»), отмеченные у обоих поэтов одним и тем же годом. Тридцатидвухлетний поэт ощущает себя старцем у жизненной черты («Жизнь», 1831 г.):

И вот теперь я, старец поседелый,
Как истукан, над бездною стою:
Но страха нет в душе оледенелой:
Над бездной песнь последнюю пою!

Нетрудно заметить, что образ лирического героя Шишкова духовно смыкается с идейными устремлениями поколения. Мотивы элегической грусти, бесприютности, неосуществимости юношеских идеалов не ведут поэта к вселенскому отрицанию, но позволяют усомниться в справедливости социальной организации общества и в целом — миропорядка. Вопросы и сомнения — характерный признак лирических рефлексий Шишкова. Попытки свести его лирику к политическим инвективам были, но они не объяснили поэтическую индивидуальность автора, который проходил сложный путь духовных исканий. А путь этот был определён в самом первом опубликованном произведении двенадцатилетнего поэта — «Переложении двенадцатого псалма»:

Призри, услыши, милосердный,
И очи просвети мои,
Да я, прияв щит веры твердый,
В смерть вежды не сомкну свои;
Да не речет мой враг в гордыне,
Что он меня преодолел,
И не возрадуется ныне,
Что бодрый дух мой ослабел.
Но я, о Боже, уповаю
На милосердие твое,
И песнь похвальну воспеваю
Я во спасение свое!

И в дальнейшем ориентиром к высокой цели у поэта Шишкова не раз называется святая вера. Этико-философские идеи христианства прослеживаются в ряде лирических стихов поэта, что позволяют ему обрести душевный мир:

Спасенны Промыслом святым,
Мы обновленно душою
Его дела благословим...
(«Ф.Н.Г.»)

Моли, мой юный друг, моли,
Творца небес, Творца земли,
Чтобы его святая сила
Тебя одела и хранила...
(«Демон. К Козловскому»)

Душою чистой к Вышнему паря:
Он полюбил слова Отца-царя,
И за тебя он молится, Россия!
(«На прибытие Государя...»)

Философско-нравственное самосознание Шишкова, одухотворённое верою, помогает противостоять ударам судьбы, даёт путеводную нить в сложных жизненных ситуациях, в которых оказывается поэт, преследуемый за инакомыслие, за свободное волеизъявление. Лишённый службы, подвергаемый откровенной травле охранки, он испытывал материальные проблемы, испытывал тяжелейшие трудности в содержании семьи...

В 1826 году в притчевой форме он создает стихотворение «Три слова или Путь жизни», очень важное для понимания философско-этических воззрений поэта. Мудрый старец, встретив путника-страдальца, вкладывает в его сознание три путеводных слова, которые поведут героя по морю бытия, помогут достичь «таинственной цели», помогут не сбиться «с дороги», «не погибнуть на тяжкой цепи», «в мрачной темнице». Аллегии трудностей, подстерегающих путника, воспринимаются как жизненно реальные, а заветные слова служат ему жизненной опорой:

И путник-страдалец свой крест лобызал
И дальше пустился в дорогу;
Он помнил три слова, их старец сказал,
Три слова, приятные Богу.
И путник сокрылся в туманной дали;
Три слова — и в прах привиденье,
И к цели желанной его довели
Надежда, готовность, терпенье.

Другим репрезентативным жанром поэта стала романтическая поэма. Общеизвестно, что в первой трети XIX века жанр развивался в русле поэм Байрона-Пушкина. Не избежал этого влияния и А. А. Шишков

Замысел первой поэмы Шишкова «Ратмир и Светлана» возник не без влияния «Руслана и Людмилы». Не без реминисценций из пушкинской поэмы написаны эти строки:

Среди бояр, сынов, дружины
Владимир солнце пировал;
Своей рукой он рог туриный
Гостям усердно наливал.
И гости дружно осушали.
Боярин Гридня и Варяг
Надёже Князю лет и благ
От сердца чистого желали...

Сравните в «Руслане»: «В толпе могучих сыновей, //С друзьями в гриднице высокой //Владимир-солнце пировал...»

Имена героев Рогдай и Ратмир, несомненно, также указывают на пушкинскую поэму, как и наличие старца-отшельника и героя-чародея, пунктирно намеченных в рассказе Змеяда из второй песни. Иных прямых реминисценций из Пушкина более нет. В целом же сюжетный пласт поэмы Шишкова самостоятелен с опорой на исторические источники, прежде всего на «Историю государства российского» Н. М. Карамзина.

Дошедшие до читателя фрагменты поэмы дают основания реконструировать замысел Шишкова. Воображение поэта было наполнено образами русской старины эпохи Владимира Святославича. Намеченные исторические реалии связаны со сложными отношениями Киева с древлянами, которые в 946 году вошли в Древнерусское государство, но ещё долгое время поднимали мятежи. «Иди к Древланам, требуй дани // И там мятежников карай», — обращается на пиру Владимир к богатырю Рогдаю, с юных лет привыкшему к брани и мечом расширившему пределы Киевского княжества.

Исторический пласт сюжета поэмы должен быть также связан с Хазарским каганатом, который более трёхсот лет контролировал территории Предкавказья, Нижнего и Среднего Поволжья. В политической зависимости от хазар находился ряд восточнославянских племенных союзов вплоть до 964 года, когда князь Святослав освободил последнее зависимое от хазар племя вятичей. В целях усмирения средневекового тюркоязычного кочевого народа князь Владимир в 985 году совершил новый поход на Хазарию.

Герои Ратмир и Светлана, чьи имена вынесены в название поэмы, оказались вовлеченными именно в эти последние события. Пленённые в малолетстве в разное время хазарским Каганом, они не знали своего отечества, отца и матери и возрастали в условиях кочевого народа. Освобождённые Рогдаем, повзрослевшие за девять лет в славяно-русской языческой среде, они почитают Рогдая отцом и вынашивают мысль о поездке в святой Царьград для свершения обета, данного ими при освобождении. Возможно, речь идёт о крещении и принятии христианства.

Однако представляется, что летописно-историческая героиня не могла быть доминирующей в сюжете поэмы. Уже в первой песни — своеобразном «былинном» прологе — завязывается романическая сюжетная линия. Князь Владимир, которому были представлены молодые люди, сражен красотой юной Светланы:

Они предстали: кто опишет
Невинной девы скромный вид?
Как грудь ее, вздымаясь, дышит,
И тихо полотно колышет,
И взоры нехотя манит.
Какая кисть представит живо
Румянец девственных ланит,
Свидетель чувств ее нелживый.

В отличие от пушкинского сюжета, где Ратмир предстаёт «младым хазарским ханом», соперником Руслана, Фарлафа и Рогдая, герой Шишкова, в прошлом пленник хазар, «названный брат» Светланы, может стать соперником самому князю. Владимир здесь историчен уже потому, что списан с летописей и «Истории...» Карамзина, где он показан утопающим в чувственных наслаждениях.

Далее эпоха Владимира I-го заполняется в соответствии с предромантическим историзмом чудесными происшествиями героев, сказочными, языческими персонажами, чародеями (об этом свидетельствует сохранившийся отрывок из второй песни поэмы — «Рассказ Змеяда»). В итоге мог получиться сказочно-авантюрный роман, где героиня, подвиги, любовь, чудеса, сказка переплетались в историческом времени княжения Владимира-Красно-солнышко. Типологически поэма Шишкова оказалась близкой не только к «Руслану и Людмиле», но и к другим эпическим замыслам современников — В. А. Жуковского («Владимир»), М. П. Загорского («Илья Муромец»), Л. И. Боровиковского («Пир Владимира Великого»).

Что действительно было подхвачено Шишковым у Пушкина, так это легкость и изящество слога, астрофическая организация стиха, четырёхстопный ямб, отсутствие

нарочитой стилизации, удачное сплетение литературного языка с фольклоризмами, с древнерусской лексикой.

Здесь мы должны отметить, что другие его поэмы создаются в контексте южных поэм А. С. Пушкина. Сюжетно-тематически они связаны с Кавказом и навеяны его пребыванием на службе в Грузии, Дагестане, Чечне. История Кавказа живо интересовала молодого офицера, о чём можно судить по его роману «Кетевана, или Грузия в 1812 году». Самобытность горских народов, их обычаи и нравы, воинственный дух, дикая свобода, как и величественная суровая природа Кавказа, куда попадали молодые офицеры, питали воображение романтического поэта.

Композиционно «Дагестанская узница» построена как восточное предание, услышанное рассказчиком из уст старого чабана в горах Дагестана. Поэма открывается этнографической увертюрой, рисующей воинственно-дикие нравы горцев:

Кто видел тучные луга,
Жилище дикое свободы?
Там Каспия седого воды
Кропят туманные брега.
Там каждый носит меч кровавый,
Не раз зазубренный в боях;
И в детских приучен годах
На быстрых, как стрела, конях
Летать во след любви и славы.

В центре сюжета — трагедия двух любящих людей, которая имеет социально-культурные корни. Герой и узница выросли на почве двух различных цивилизаций — мусульманской и христианской. Автор не оценивает эти культуры, но пытается резко оттенить связанные с ними особенности психологической жизни героев, что ведёт их к драматической развязке.

«Дагестанская узница» Шишкова приближена к типу «гаремных поэм», но занимает самостоятельное место в наследии «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина. Влияние корифея ощутимо в экзотической обстановке, в недосказанности сюжета, в эффектных драматических сценах (погоня и вероятная гибель героини), в использовании четырёхстопного ямба. К заимствованиям можно отнести имя героя (Гирей), мотив похищения девушки-христианки во время набегов в чуждые пределы. Сохраняя тему пленницы, Шишков даёт ей, однако, другое сюжетное оформление. В отличие от пушкинской Марии, отвергнувшей любовь хана, узница Шишкова, полонённая в детстве и выросшая в магометанской среде, страстно полюбила Гирея. Помня о родине, своей семье и вере, сохраняя православный нательный крест, соединяющий ее в памяти с родным очагом, она осознанно ради любимого принимает мусульманскую веру.

В романтической поэме Шишкова конфликт столько же литературен (Гирей-Мария-Зарема в «Бахчисарайском фонтане» Пушкина; Конрад-Гюльнара-Медора в «Корсаре» Байрона), сколько и народен, ибо напоминает русские народные песни-баллады XIII–XVI веков о татарском полоне, широко известные в устной словесной культуре. Сюжет народной баллады «Как за речкою, как за Дарьею» повествовал том, как мать в плену встречает свою дочь, ставшую женой татарского хана. Свои переживания полонянка, находясь в услужении дочери, изливает в колыбельной песне своему внуку: «Ты по батюшке татарченок, / А по матушке ты русенок. / Ведь твоя-то мать мне родная дочь, / Семи лет она во полон взята». Дочь даёт матери возможность вернуться на Святую Русь. Перед полонянкой трагический выбор: бежать из плена

и потерять неожиданно обретенную дочь и внука, а оставшись, лишиться родины. В разных вариантах песни-баллады встречается разный финал, но более частотен тот, где мать предпочитает остаться с дочерью в чуждой ей земле.

Гаремная тема, как и конфликт мужчины между двумя женщинами, носительницами двух типов любви, духовно-возвышенной и страстно-вакхической, распространённый в романтических поэмах первой трети XIX века, у Шишкова устранен. Здесь иная расстановка героев, близкая к народно-поэтической (Гирей — узница — её пленённый отец, встреча с которым происходит по прошествии лет).

Желая помочь старцу бежать из полона, она рассказывает ему свою историю полонения и просит принять её нательный крест, от которого она отеклась и по которому старец на родине сможет отыскать её мать. В этой драматической сцене старец узнаёт в пленнице свою дочь. Автору удаётся передать сложнейшие чувства внутренней борьбы героини, любящей отца, желающей его освобождения и совместного бегства, и не способной принести в жертву любовь свою к хану. Сюжетно финал открытый, что соответствовало традиции романтического жанра. Но завершающий поэму рассказ чабана об увиденной им однажды в горах картине погони Гирея за двумя горцами («один был в цвете юных дней, другой был в старости глубокой») позволяет предположить гибель пленников, дочери и отца, выбравших свободу и родину предков. В этом видится самостоятельное решение автором романтического конфликта не без влияния народной поэзии.

«Отрывок из описательной поэмы „Лонской“, опубликованный в сборнике „Опыты Александра Шишкова 2-го 1828 года“ тоже входит в контекст пушкинских южных поэм. Лонской подан в духе романтических героев — он „изгнанник добровольный“, „измученный страданьем, волненьем пламенных страстей“, попадает на Кавказ. Как и пленник Пушкина, променявший столицу на дикие красоты Кавказских гор,

Среди угрюмых, диких скал
Приметно Лонской забывал
Забавы жизни своевольной.
Военный шум и грохот бурь,
И горцев дикие набеги,
И неба чистого лазурь,
И гор нетающие снега,
И все, все нравилось ему,
Все к чувствам свежим пробуждало
И беспокойному уму
Все пищу новую давало.

Но Шишков оставляет в стороне сюжетные элементы «Кавказского пленника». Текст поэмы состоит из описательных картин и авторских лирических отступлений, что придаёт ему автобиографический элемент. Глазами разочарованного меланхолического героя автор рисует этнографические картины и передаёт меткие наблюдения относительно нравов горцев:

В шатрах татарских внемлет Лонской
Суровых чад Кавказских гор...
Чеченец зол: его рука
Приучена к убийствам тайным,
Любовь от сердца далека;
Он страшен путникам случайным:

Коварство, месть — его закон;
Чеченцу незнакома жалость,
И гордо презирует он
Труды и тяжкую усталость.

Эти этнографические картины включают традиционную для романтической поэмы «Чеченскую песню», в которой чеченка поддерживает воинственный дух мужа, его буйную свободу и призывает к отражению незваных «гяур» (неверных): «Ударь на них и шашкой смело // Гостей незваных отрази, // А мне, мой муж, мне череп белой // В подарок с бит вы привези». Путешествие Лонского позволяет автору развернуть панорамную картину Кавказских гор: белеющие на ясном небосводе горные вершины, дикая природа, громады вековых камней, многоводный Терек — «Кавказа буйное дитя» — с его стремительным свободным бегом, тот край, «Где часто он с улыбкой смелой / В бою приветствовал свинец».

Биографический элемент весьма ощутим в поэме. Он в облике разочарованного героя, «... измученного страданьем // Волненьем пламенных страстей // Холодной завистью людей // И долгим тщетным ожиданьем // Благословенных, ясных дней» (вспомним автобиографические стихи тех лет «Глас страдальца», «Другу-утешителю», помещенные в этом же сборнике), он и в патриотических мотивах («Исчезла буйная свобода // Кавказа дерзостных детей... // Приосенил орел двуглавый // Вершины исполинских гор...»), и в воспоминаниях поэта о путешествии по Кавказу:

Арагвы шумной берега!
Сады Кахетии небесной!
Коснется ль вновь моя нога
До вашей зелени чудесной?
И скоро ль летнею порой,
Склонясь под персик ароматный,
Засну дремотою приятной
На груди белой, благодатной
Моей грузинки молодой?

Описательная поэма, представленная отрывком, не получила продолжения. Возможно потому, что Шишков вынашивал замысел написать большое эпическое полотно — роман о Грузии «Кетевана, или Грузия в 1812 году», главным героем которого станет тот же Лонской, как персонаж, разработанный уже реалистическим творческим методом.

Перу Шишкова принадлежит поэма «Ермак», также включённая в сборник «Опыты...». Ермак Тимофеевич, атаман донской казачьей вольницы, покоритель Сибирского царства, победитель грозного сибирского хана Кучума и могучего царевича Мегмет-Кула, положивший начало завоеванию Сибири, к тому времени не раз был воспет в русской литературе: «Ермак» И. И. Дмитриева (1794), «Смерть Ермака» К. Ф. Рылеева (1822), драма «Ермак» А. С. Хомякова (1825–1826) и др.

Литературной удачей поэму Шишкова назвать невозможно. Историческая личность, исключённая из исторического сюжета и поданная в традиции романтической поэмы типа пушкинского «пленника» к этому времени выглядела литературным анахронизмом. Здесь нет ни одного эпизода из традиционных легенд о Ермаке — покорителе Сибири. Сюжет фрагментарен. Судя по романтическим словам-сигналам «чинар», «дева Крыма», «раба», «цепи», «татарский стан», действие поэмы разворачивается в южных областях — в казачьем крае, граничащем с Крымом.

Возможно, Шишков мыслил свою стихотворную повесть как предысторию покорителя Сибири. Казачий предводитель Ермак как былинный исполин, представляющий угрозу крымскому хану, навел ужас на татарские войска: «Как метеор, как язва злая...// Губил сынов чужого края...// И пировал на их костях». Длинный ряд курганов, скрывающих прах погибших, говорил о силе его грозных ударов. Но далее автор включает в повествование романтическую линию — любовь героя к пленной «деве Крыма», татарке Теаре. Теара не просто отвечает ему взаимностью, она готова жизнь отдать за русского: «Люблю тебя, с тобой и казнь / Была б мне жизнь и наслажденье!»

Четвертый фрагмент поэмы исполнен как любовная элегия. Любовь к юной деве преобразила душу и сердце грозного и непримиримого к врагам Ермака:

Восторг любви, души порывы!
Ермак в забвеньи вас узнал,
Когда один, нетерпеливый,
Теару к сердцу прижимал,
В глазах волшебницы невинной
Читал доверчивый покой;
Сгорая, трепетной рукой
Перебирал косою длинной,
Дыханье уст в себя впивал.

Эта любовь и сделала его уязвимым. Во время свидания с Теарой он был схвачен её братом Хорлу, препровожден в татарский стан и закован в цепи без пищи и воды. Он погибал. Освобождение, как и в «Кавказском пленнике» Пушкина, приходит к нему от возлюбленной:

Когда ночной прояснел мрак,
Молчало все, его не стало,
В темнице мрачной тишина;
Лишь ветер резкий у окна
Качал Теары покрывало;
Лишь было видно, как ковыль
Прилег под тяжкою ногою,
И чуть заметной пеленою
Вдали укладывалась пыль.

Герой освобождён, дальнейшая судьба героини, нарушившей обычаи своего народа и магометанской веры, остаётся неизвестной. Как видим, финал поэмы Шишкова, в отличие от пушкинского «пленника», менее драматичен. В начале века Ермак представлялся предметом истинно-поэтическим, его художественным образом увлекались многие литераторы. Шишков по-своему интерпретировал сюжет в романтическом ключе.

Таков Шишков-лирик, отмеченный корифеем литературы А. С. Пушкиным как «золотой талант». Несомненно одно: участие Пушкина в посмертном издании четырёхтомного собрания сочинений и переводов капитана А. А. Шишкова было продиктовано желанием сохранения литературного наследия своего современника и друга юности и осознанием того, что его имя достойно памяти в истории русской словесности.

